

А.Н. Лобин, Н.В. Смирнов (Санкт-Петербург)

БОРЬБА ЗА ЮРЬЕВ-ЛИВОНСКИЙ В ГОДЫ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ (1656–1658)

1. Поход на Юрьев-Ливонский 1656 г.

Русско-шведская война 1656–1658 гг. по степени изученности может быть отнесена к категории «неизвестных войн». Длительная и тяжелая борьба за Украину и Белоруссию с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) оставила в тени очередную попытку России добиться выхода в Балтику. В отечественной и в зарубежной историографии действия русских войск в кампании 1656–1658 гг. изучены недостаточно. Одна из крупных операций в этой войне – «немецкий поход» армии кн. А.Н. Трубецкого в Восточную Ливонию – и вовсе остается неизвестной широкому кругу историков.

Причины недостаточного исследования значимых эпизодов Русско-шведской войны 1656–1658 гг. в плохой разработке источниковой базы: основной пласт русских источников не опубликован и хранится в Российском государственном архиве древних актов. Со шведской стороны осада Дерпта упоминается в дневниках и письмах участников осады (купцов, военных и др.), а также в реляциях, «историях» и хрониках¹.

Город Дерпт (Юрьев-Ливонский) имел большое значение для русского командования. Взятие этой крепости выполняло одновременно и наступательную и оборонительную задачи. В случае занятия Юрьева перед русскими войсками отрывались дороги вглубь шведской Ливонии, причем в любом направлении – на Феллины, Нарву или Ревель. С точки зрения защиты собственных земель, удержание Юрьева препятствовало рейдам шведов на русскую территорию, прежде всего в направлении Пскова.

В 1656 г. средневековый Дерпт окружала крепостная стена с 17 башнями, в шести из которых имелись ворота. Внутри города находились замок епископа и цитадель. В историографии данные о количестве защитников варьируются от 520 до 800 чел.² О составе гарнизона имеются прямые указания в докладах коменданта Дерпта Л. Флеминга от 28 июля 1656 г.: «...у нас есть почти 200 (вооруженных) бюргеров, 220 пехотинцев, из них 50 больших, и 100 рейтар с плохими лошадьми и ружьями; драгуны от генерал-майора Штрайфа еще не прибыли»³. К этому числу надо прибавить еще 32 артиллериста⁴. Гарнизон испытывал недостаток артиллерии, мушкетов и боеприпасов.

Операция против Юрьева-Ливонского представляла собой вспомогательный удар на фоне главного похода Алексея Михайловича под Ригу. Тем не менее, для похода Трубецкому были выделены значительные силы. 8 июля 1656 г. царь Алексей Михайлович через своего гонца, жильца А. Гомзякова, передал боярину А.Н. Трубецкому напутственное слово «идти Божиим и государским делом промыслять, сколько милосердный Бог помочи подаст»⁵.

Иностранцы современники по-разному оценивали численность «московитской армии». Шведская реляция (*Gründliche und warhafflige relation von der Belagerung der Konigl. Stadt Riga in Liefland* – далее GWR), а вслед за ней и «Театр Европы» (*Theatrum Europaeum* – далее ТЕ) говорят о 18-тысячной войске: «Под Дерптом находилось: 6000 московитских бояр и дворян, сформированных в несколько полков, 2000 поляков и литовцев, 4000 татар, 6000 пехотинцев и множество «холопов» («koloppen»)»⁶. Х. Кельх и С. Пуффендорф исчисляют войско «московитов» в 40 000 под командованием «генерала Долгорукого»⁷. Однако эти оценки носят пропагандистский характер. Шведский историк М. Карлун и современный исследователь Р. Фрост оценивают численность русской армии от 12 000 до 15 000 человек, однако свою точку зрения они ничем не обосновывают⁸.

Обращение к русским архивным документам позволяет с большей точностью вычислить приблизительный размер русского осадного корпуса. Выдвигнувшаяся из Пскова в июне 1656 г. русская армия под командованием талантливого воеводы кн. А.Н. Трубецкого представляла собой внушительную силу. По данным смотренного списка, в нем должно было быть 5546 чел. конницы и около

5000 чел. пехоты⁹. По традиции такая крушная армия подразделялась на воеводские полки:

Полк большого воеводы А.Н. Трубецкого (ок. 5900 чел.): 1438 дворян и детей боярских сотенной службы (московские чины и дворяне из Водской и Шелонской пятин Великого Новгорода, Тороща, Великих Лук, Твери и Старицы), 832 рейтара полка Д. Фонвизина, 623 татарина, 312 казаков, 463 московских стрельца приказа С. Коквинского, 1200 драгун полка А. Гамолтона, 1000 солдат полка Т. Крафферта.

Полк Ю.А. Долгорукого (ок. 2900 чел.): 836 дворян и детей боярских сотенной службы (московские чины и дворяне из Деревской пятины Великого Новгорода, Пскова и Торжка), 152 казака, 415 псковских стрельцов приказа Г. Вельяшева, ок. 1500 солдат полков Т. Геза и В. Росформа.

Полк С.Л. Пожарского (ок. 1000 чел.): 700 дворян и детей боярских в основном из Бежецкой пятины Великого Новгорода, 292 новгородских стрельца приказа П. Путилова.

Полк С.А. Измайлова (ок. 650 чел.): 354 дворянина и сына боярского Оболенской пятины Великого Новгорода, 102 повокрестца, 198 казаков.

О важности похода свидетельствовало включение в состав армии более чем двух сотен представителей «московских чинов».

Таблица 1

Распределение московских чинов по полкам армии А.Н. Трубецкого в 1656 г.

Воеводский полк	Стольников	Стряпчих	Дворян	Жильцов	Всего
А.Н. Трубецкого ¹⁰	5+1	11 ¹¹ +2	51+5	90+12	177
Ю.А. Долгорукого	2	2	9	14	27
С.Р. Пожарского	–	–	–	7	7
Итого	8	15	65	123	211

Списочная численность, как правило, превышала (иногда очень значительно) реальное количество войск. Многие служилые люди не явились на службу и числились в «петех». Так, «всего полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого с московских чинов и городских дворян и детей боярских и рейтар и казаков в естех по числу 1090 ч., конного 1458 ч., казаков на службе в Вильне 50 ч., в петех 1469 ч., померло 92 ч.». В отличие от «смот-

ренного списка» в черновой росписи не упоминаются темпиковские татары, кроме того, 278 луцких казаков, изначально числящихся в отряде Алексея Никитича, оказались в полку боярина и воеводы кн. Ю.А. Долгорукого, который также испытывал некомплект служилых людей¹². Согласно смотренному списку, под Юрьевом доля не прибывших служилых людей «по отчеству» (как сотенной, так и рейтарской службы) составляла 7–8 % от списочного состава.

Хуже обстояло дело с пехотой. Трудности с набором солдат в Заонежских погостах и Сомерской волости привели к тому, что полки Т. Крафферта и А. Гамолтона выдвинулись в поход со значительным некомплектom. Кроме того, прибывшие солдаты оказались гораздо хуже обученными, чем ожидалось. По царскому указу к Юрьеву были подтянуты все имевшиеся пехотные резервы из Полоцка (полки Т. Рейса и И. Лукса) и Олонца (до 700 чел.).

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что вся юрьевская группировка русских войск состояла не более чем из 8000 чел. В отличие от царской армии под Ригой армия Трубецкого испытывала недостаток в артиллерии. Хотя еще в конце мая 1656 г. Семен Милославской сообщал царю, что он «полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого наряд, верховые и полковые 34 пицали да 2000 ядер, на Каспле реке на пристани по 24 число поставил»¹³. Однако путь из смоленских земель к Юрьеву был долог, и к началу осады большинство артиллерии армии Трубецкого относилось к разряду полковой – «проломных» орудий у него не было вовсе. В дальнейшем боярин настойчиво требовал несколько крупнокалиберных стволов для обстрела деритских укреплений.

Выступив в поход из Пскова в середине июля 1656 г.¹⁴, армия Трубецкого по пути захватила крепость Нейгаузен (Новгородок Ливонский)¹⁵. В списке потерь русской армии под Нейгаузенom не значится ни один человек – ни убитым, ни раненым, – судя по всему, гарнизон крепости капитулировал без сопротивления¹⁶.

В начале августа русская армия приступила к осаде Юрьева. Вскоре город со всех сторон был окружен шанцами полков А. Гамолтона, Т. Крафферта, Т. Гейса и И. Камалая: «велели полковником ... под городом выкопать шанцы и поделат земляные городки и поставит туры, и в городках велели поставит наряд и велели по городу и в город ис пушек стрелять»¹⁷. Основные силы русской кошицы рас-

полагались в двух лагерях по обеим сторонам реки Омовжи – лагере А.Н. Трубецкого и Ю.А. Долгорукого. Отряды Пожарского и Измайлова, с приданными дворянскими сотнями и рейтарскими ротами, предназначались для активных действий в окрестностях города. Эта предосторожность была не излишней.

Накануне начала русской осады командующий шведскими войсками Магнус Делагарди и генерал-майор Бенг Горн попытались укрепить гарнизон крепости, послав в район города Ацель (Говья), недалеко от Юрьева Ливонского, отряд генерал-майора фон Штрайфа (по русским данным он насчитывал 16 «знамен»¹⁸ копейки и пехоты, по шведским – до 1000 чел. рейтар и драгун). Последний, в свою очередь, 7 августа направил в город полковника Толя с 5 знаменами пехоты и хоругвью литовских драгун. По к этому времени русская армия уже установила тесную блокаду города, и Толя остановился на мельнице в 7 милях от города. Здесь он дождался, согласно русским разведсведениям, подхода более многочисленного отряда генерал-майора «Тизнауза» (имеется в виду генерал-майор Frohold v. Tiesenhausen¹⁹).

В начале августа против шведского отряда генерал-майора фон Штрайфа, прикрывавшего внутренние районы Лифляндии, был направлен воеводский полк окопничего С.А. Измайлова в составе рейтарского полка Д. Фонвизина и 12 сотен дворян²⁰. В районе р. Гафа (Гауя) произошел бой, о результатах которого имеются противоречивые сведения. Штрайф докладывал М.Г. Делагарди, что он «в 5 или 6 милях от Вольмара удачно разбил московитский отряд из 1000 вооруженных московитов, 2000 рейтар и 500 драгун», при чем противник потерял 9 знамен²¹ и множество убитых. В схватке шведы лишились только майора Густава фон Менгдена и 6 рядовых²². В русских источниках, напротив, говорится что «немецких людей побили», потеряв при этом 4 убитых и 36 человек. Среди раненых оказались сам Измайлов, который позже был отлучен по царскому указу на лечение²³, полковник Фонвизин «пострелен повыше левые титьки навывлет» и еще три начальных человека рейтарского строя и сотенный голова. Большая часть раненых была получена во время перестрелки со шведами, но треть воинов была ранена холодным оружием²⁴. Сравнивая русские и шведские источники, можно утверждать, что Штрайф с отрядом (до 350 рейтар)²⁵ неожиданно пал на передовые роты полка Д. Фонвизина и после короткой стычки отступил.

8 августа Измайлов послал к городу Кастеру²⁶ отряд С.С. Горчакова: 200 псковских (приказ Г. Вельяшева) и новгородских (приказ П. Путилова) стрельцов, подполковника И. Вуда с драгунами полка А. Гамолтона и солдатами полков Т. Крафера и Т. Гейса. Помимо них в отряд входили сотни луцких и псковских казаков. На этот раз крепость была взята быстрым и довольно кровопролитным штурмом: погибли 15 стрельцов и казаков и были рапсны еще 76 человек. Почти все были штурмующие были ранены огнестрельным оружием (стрелковым и дробью из пушек) и лишь четверо было рапсно копьями и пиками у самых стен. Возможно, что после того как стрельцы, солдаты и казаки взойшли на стены, гарнизон города счел за благо капитулировать – иначе число ранений холодным оружием было бы иным²⁷. После взятия города в нем был размещен гарнизон (200 чел. пехоты)²⁸.

Организуя осаду, Трубецкой не забывал о безопасности лагеря. По Ревельской и по Нарвской дорогам были посланы отряды И.И. Сунбулова и кн. Л.К. Шеховского, состоящие из сотенных, рейтар и драгун. Отряд Шеховского не встретил противника, а из сведений от местных жителей узнал, что немногочисленные шведские отряды укрыли в Лаисе. Совсем иные вести привез Сунбулов. По сведениям крестьян, в мызе Карбере (25 верст от Юрьева) располагалось «немецких людей 23 хорунги конных и пеших». Эту угрозу игнорировать было нельзя, и Трубецкой 21 августа послал против шведов сводный отряд «изо всех полков голов с сотнями и рейтар и драгунов» под командованием кн. С.С. Горчакова. Прикрывать его был отправлен воеводский полк кн. С.Р. Пожарского. Пожарский был одним из самых активных и смелых «товарищей» Трубецкого, не раз оказывавшийся на острие атаки всего полка. Выбор его в качестве руководителя посылки показывает, насколько серьезно отнесся главный воевода к угрозе со стороны шведского отряда. Численность русских войск составляла около 3000 человек, что, как казалось, должно было обеспечить превосходство над 2000 шведов²⁹.

При приближении русских войск противник отступил к мельнице Пиба (Пипа). Мельница располагалась в очень удобном месте «от той мельницы версты за три через болото мосту пету, а обойти то место другими дорогами нельзя». Кроме того, к прежним силам, по сведениям крестьян, добавилось подкрепление из Ревеля.

Забрать пехоту из осадного лагеря было нельзя из-за опасений вылазок со стороны гарнизона: «только де государь послать на них с конными людьми пехоту взяв и с шапек, и в шанцах и в земляных городех ... будет у города малолюдно и от городских вылазок будет опасно»³⁰. Тогда Пожарский решил атаковать имеющимися силами: «...с немецкими людьми бились и к мосту приступали, и милостью Божией государевы ратные люди на реке Пине немецких людей многих побили, и языки поймали, и за рекою Пиною села и деревни пожгли и гнали за ними по Юрьевской дороге, и догнав немецких людей у засеки потому ж многих побили и языки поймали и засеки розсекли»³¹. Оставленный в укреплении гарнизон (90 человек дворян и стрельцов) позже отразил два нападения шведов³².

Под Дерптом основная тяжесть осадных работ, ведущихся по всем правилам военной науки того времени, легла на пехотные подразделения. Поначалу Трубецкой решил взять город подкопом и штурмом. Копать подкопы вызвались 8 стрельцов во главе с Матвеем Павловым из приказа Г. Вельяшева, которым «подкопное дело было за обычаем». Подкопы велись с двух сторон — из шанцев полков Гамолтона и Гейса. Осажденные не ограничивались простым ожиданием и наблюдением за осадными работами. Неоднократно они предпринимали вылазки и обстреливали русские шанцы. Впрочем, обстрелы приносили мало вреда осаждавшим — за все время было убито лишь несколько воинов и несколько десятков получили ранения. Больше беспокойств причиняли вылазки, которые были совершены 4 августа (6 убитых и 9 раненых), 14 августа (1 убитый и 4 раненых, в т.ч. 2 сотенных головы и сотник московских стрельцов)³³, 22 августа (7 убитых, в т.ч. подполковник Камал и 4 раненых, в т.ч. сотенный голова — пскович Богдан Григорьев сын Бешенцов)³⁴, 28 августа (28 раненых, многие из которых холодным оружием). Самая серьезная из вылазок была проведена в ночь на 20 сентября. Среди многочисленных раненых (27 человек) оказались полковник Т. Гейс («ранен из винтовки по левой ноге по берцу навьлет и кост раздроблена») и подполковник И. Трейден («ранен из мушкета по левой ноге выше колена близко, вертлуга пробита навьлет»)³⁵.

Трубецкой понимал, что затея с подкопом может быть неудачной и потому 24 августа затребовал из Пскова осадную

артиллерию и припасы, прежде всего «... 2 пушки верховые, а к ним по 50 ядер тощих гранатных». Для этого в Псков из действующей армии был направлен «пушечные и гранатные стрельбы мастер Ганц Мартын» в сопровождении повгородца Б. Самарина и толмача И. Циммермата. Однако во псковском арсенале из трех мортир («верховых пушек»), к двум вообще не имелось ядер, а к оставшейся их было лишь 5 «ядер тощих». Тем не менее, эта мортира была вместе с припасами и мастером на судах отправлена в полк Трубецкого. Перед отправкой Ганц Мартын осмотрел в псковском арсенале и единственную большую «проломную» пушку. Результаты осмотра были неутешительными. Во всем Пскове не нашлось подходящего корабля, способного выдержать ее гигантский вес³⁶. Тем не менее, было принято решение отправить ее вместе с припасами и мастером на судах в полк Трубецкого. Скорее всего речь шла о детище знаменитого мастера Андрея Чохова, верховой пушке «Егуп» («Ягуп») длиной ствола 1,5 аршина, стрелявшей гигантскими снарядами весом в 6 пудов 25 фунтов³⁷.

27 августа воеводу ждало очередное разочарование. Шведы обнаружили около крепостного рва подкоп, который велся из шанца А. Гамолтона и «тайным обычаем из своего рва перекопали блиско города». Скорее всего, о подкопе им сообщил поручик драгунского полка Т. Крафферта «новокрещен Давыдко Лунд», который незадолго до этого пропал из шанца³⁸.

Затягивание осады беспокоило царя. 26 сентября он отдает приказ Трубецкому снять осаду города и направить все силы к Нарве, куда на помощь направлялся и отряд П. Потемкина из-под Орешка³⁹. Это решение, возможно, было продиктовано неуверенностью царя в дальнейшей осаде дерптской цитадели. Безуспешная осада Риги на главном направлении разочаровала Алексея Михайловича, и 13 октября, он посылает под Юрьев распоряжение, который фактически отменял предыдущий приказ о походе на Нарву и давал воеводе снять осаду с крепости. В этом случае Трубецкому и Долгорукому поручалось, разделившись, осторожно отступить на Новгород и Псков, прикрывая эти направления от возможных контрударов со стороны шведов⁴⁰. Однако делать это не пришлось.

Положение гарнизона Дерпта к этому времени значительно ухудшилось — крепость несла невосполнимые потери, подкрепления от

губернатора так и не прорвались в осажденный город, болезни выкашивали солдат. Также не было единого мнения о дальнейшем ведении обороны. Численность боеспособных солдат сократилась до 140 чел.⁴¹ До осажденных дошли сведения, что гарнизон небольшой крепости Ацель (Говья) капитулировал перед русскими в начале октября.

Несколько офицеров во главе с Ларсом Флемингом выступило за сдачу города на почетных условиях, и после офицерского совещания 12 октября гарнизон крепости капитулировал. Предварительно были подписаны акты о капитуляции. Согласно первому акту («Generalkapitulation» из 20 пунктов), остатки полка Коскуля должны выходить из крепости «свободно и беспрепятственно под надежным конвоем со всем имуществом, с развевающимися знаменами, ... с пулями во рту, заряженными пистолетами, зажженными фитилями». С собой в Ревель гарнизону разрешилось взять 2 полевых 3-фунт. пушки со всеми припасами. Для раненных и больных выделялось 100 телег и 200 лошадей⁴². Второй акт («Spezialkapitulation der Stadt Dorpat», 24 пункта) касался особых условий армии А.Н. Трубецкого и бюргеров. Горожане (4400 чел.) по собственному желанию остались в крепости. Взятие Юрьева вновь поставило перед воеводой вопрос о дальнейшем движении на Нарву, что он из-за недостатка пехоты не мог сделать. К 18 октября в армии насчитывалось 2166 солдат и драгун, из которых в городе воевода собирался оставить до 2000 человек (подполковник А. Форот)⁴³. В ноябре А.Н. Трубецкой был отозван из Ливонии и его место во главе русской армии занял Л.Т. Измайлов. Основные силы русской армии вернулись в Новгород и Псков, после чего были распущены на зиму.

Боевые потери русской армии были сравнительно небольшими. После осады и рейдов были составлены списки убитых и раненных, которые были посланы государю. В описи Разрядного архива значились «Книги, а в ней смотренные списки ис под Юрьева Ливонского бояра и воевод князь Андрея Никитича Трубецкого с товарищи 165-го году, тут же книги побитым и раненым»⁴⁴. Потери в боях составили 70 человек убитыми 273 ранеными. Следует отметить, что список не приводит численность воинов, умерших от болезней и ран – при низком уровне медицинской помощи они, несомненно, были.

Потери русской армии А.Н. Трубецкого в Немецком походе 1656 г.

Категория служилых людей	Осада Юрьева		Штурм Кастера		Бои вокруг Юрьева		Всего	
	Уб.	Ран.	Уб.	Ран.	Уб.	Ран.	Уб.	Ран.
Сотенные	5	19	–	–	18	30	25	47
Повокрещены	2	–	–	–	8	–	10	–
Стрельцы	–	17	11	30	–	8	21	55
Казачи	–	6	4	14	1	8	5	28
Рейтары	1	3	–	–	2	23	3	26
Драгуны	5	40	–	10	–	4	5	54
Солдаты	12	42	–	22	–	–	12	68
ИТОГО	25	127	15	76	29	73	69	276

Необходимо отметить, что в ходе боевых действий были захвачены ряд достопамятных трофеев – знамен, которые поступили вначале в Оружейную палату, а затем, уже во второй половине XIX в., четыре реликвии оказались в Артиллерийском музее⁴⁵. За время войны 1654–1667 гг. было захвачено немало трофеев. В «Росписи знаменам, взятым на боях в Литовском, Немецком и в Черкасском походах», говорится: «А по росписи принято знамен и яловчиков и прапорцов и знаменных всяких драпных остатков камчатых и тафтяных, и дарагильных, и кумачных, и крашенинных, и полотняных, и холстяных былых – 396»⁴⁶.

2. Шведское контрнаступление 1657 г.

Шведское командование не могло смириться с потерей такого крупного стратегического центра, как Юрьев-Ливонский. Весной 1657 г. по всей Лифляндии был произведен сбор рейтар, драгун и солдат. В июле 1657 г. шведская армия выступила в поход, и уже в конце месяца генерал Магнус Делагарди подступил к Юрьеву-Ливонскому «с конными и пешими людьми» и стал обозом у реки Омовжи напротив города. Позже захваченные пленные поведали русским воеводам, что «всех де людей з графом Магнусом немец и литовских людей рейтар и драгунов конных и пеших под Юрьев пришли тысяч с шесть да чухнов с тысячо человек, а ждет де граф Магнус к себе присланных людей ... конных и пеших многих людей, а большого ломового паряду и огненных пушек из Ругодива и из

Кольвани и из Волмера, а дождався большого ломового наряду и огненных пушек, хочет граф Магнус по городу бить безпрестанно и подкоп под город». Другие «языки», захваченные в Гдовском уезде воеводой Богданом Пацкиным, показали численность шведского отряда в 3000 человек рейтар, 500 солдат, 500 драгун, что более близко к истине⁴⁷. В Юрьевском уезде шведы намеревались пополнить свои части пабранными среди местных крестьян отрядами. Местные жители указали генералу на скудость хлебных запасов в городе, «и хотят те уездные мужики сойти на приступ паперед». Противостоял шведам гарнизон воевод И. Хилкова и М. Крылова в составе полуполка А. Вина (из солдатского полка Гейса)⁴⁸, сводного московско-новгородского стрелецкого приказа П. Путилова и около сотни конных казаков (всего не больше 800 чел.).

1 августа, через своего рейтарского полковника Шунца, граф Магнус передал «лист» с предложением сдать город. «А будет откажешь, — писал граф воеводе И. Хилкову, — и за неповишую кровь, которая прольетца, тебе ведать, и за такую твою досаду учино пал городом промысл, чево я и не мыслил делать»⁴⁹. На предложение русский воевода ответил отказом.

На следующий день шведский генерал сменил дислокацию — перешел на другой берег реки и блокировал дорогу на Кастер в трех верстах от Юрьева-Ливонского. Кроме того, шведские солдаты заняли шанцы, которые во время осады А. Трубецким в 1656 г. сделали русские саперы. Осаждающие навели переправу и «зделали земляной городок и около городка выкопали ров от приходу твоих государевых ратных людей и кругом городу Юрьева по городицкому полю и за рекою Омовжею и в табарах, где стоял (ранее... Прим. авт.) под Юрьевым бояре и воеводы князь Алексей Шикитич Трубецкой с товарищи и в шанцах во всех, где стояли твои государевы салдаты, поставлены были многие немецкие люди конные и пешие и сторожи учинены крепкие и дороги все отпяли и город Юрьев осадили»⁵⁰. Ситуация, когда шведские отряды могли свободно блокировать подступы к городу и перекрывать дороги, не устраивала энергичного воеводу Хилкова. 2 августа, с целью деблокады крепости, была предпринята вылазка в составе отряда из московских и новгородских стрельцов головы П. Путилова и солдат во главе с подполковником А. Вином. Всего в вылазке на шведские позиции приняло участие примерно 200–300 человек. Стремительной атакой русские пехотинцы «немецких людей с прежних шанцов зби-

ли и вновь шанцов копать и туров ставить им не дали, и туры и избы и шалашы пожгли». Шведский генерал поспешил было на выручку своих людей, но опоздал. Те уже покинули шанцы, а шедшие подкрепления были опрокинуты русскими во встречном бою: «немецких людей многих побили и иных многих людей переимали, а в языцах ... взяли на том бою рейтарского строю начального человека квартирмейстера немчина Дапила Петрова»⁵¹.

В ночь на 6 августа к графу Делагарди подошла артиллерия. Шведы установили за рекой, напротив городских засыпных и водяных ворот, три батареи «и по городу из наряду били дшем и ночью беспрестанно, и стреляли нарядными ядрами». Конечно, Магнусу Делагарди не хватало проломных орудий, да и сил было не так много, чтобы выбить русских из хорошо укрепленного города. Дальнейшие его действия показывают, что он стремился ворваться в город со стороны речной пристани, используя брандеры. Темной августовской ночью «в судах и на плотех, и бергом» шведские войска пошли на штурм. На судах и плотах они перевозили пуки, начиненные соломой, смолой и порохом, и «хотели зажечь на реке Омовже мост и городовые ворота и острог». Однако русские открыли такой массированный огонь из пушек и мушкетов, что «многих немецких людей побили и переранили, и к городу приступать не дали, и суда, и плоты, и пуки нарядные отбили».

Чтобы закрепить дальнейший успех, воевода Хилков вновь направил на шведские позиции свои лучшие подразделения — новгородских и московских стрельцов П. Путилова. Вылазка принесла новую победу — шведов выбили из их шанцев, захватив при этом «пушку полковую медную, и зелье, и ядра». Остальную артиллерию противник успел отвезти в обоз. Но в этот день атаки не прекратились: стрельцы, подкрепленные конными казаками и ротой солдат полуполковника А. Вина, вышли в открытое поле и с ходу атаковали земляной городок и «на том бою твои государевы ратные люди немецких многих людей побили и языки поймали, а в языцах государь взяли немецких людей шесть человек».

Инициатива действий под Юрьевом-Ливонским перешла на сторону царских войск. Шведский генерал не стал дальше испытывать судьбу и поспешно стал отходить от города. В своих укреплениях он оставил аррьергард из 300 рейтар и драгун, против которых и была направлена заключительная атака русских. 11 августа вновь позиции шведов были атакованы стрельцами, конными казаками и

ротой солдат «...и пемецкие люди, увидя твоих государевых ратных людей на себя приход, из горотка побежали, не дождавсь твоих государевых ратных людей за реку Омовжу, а мост на реке Омовже рассекли и побежали те пемецкие люди по колыванской дороге»⁵². Оставленные шведами туры и укрепления были полностью разрушены. Таким образом, попытка шведов отбить в 1657 г. стратегически важный пункт провалилась. Тот факт, что воеводы использовали в вылазках на шведские шанцы одни и те же подразделения (стрельцы П. Путилова, конные казаки, солдаты А. Виша) говорит о том, что город испытывал трудности в людских ресурсах. В своей отписке воеводы отмечали: «... изю Пскова государь, твои государевы ратные люди под Юрьевом Ливонским на выручку от немецких людей августа по 14-е число не бывали»⁵³. В сентябре 1657 г. гарнизон получил только припасы⁵⁴. Но упорство, храбрость и инициативность обеспечили гарнизону победу над шведскими войсками.

После того как шведов отбили от Юрьева-Ливонского, Делагарди решил двинуться на Гдов. Однако здесь его поджидала еще более крупная неудача. Попытавшись захватить крепость, шведская армия сначала встретила ожесточенное сопротивление гарнизона, а затем была атакована подошедшими на помощь городу русскими войсками под руководством кн. И.А. Хованского. В ходе сражения и последующего преследования шведы понесли большие потери, особенно среди офицерского состава⁵⁵. Поражение под Гдовом создало предпосылки для удачного похода Хованского в направлении Нарвы, во время которого был взят Сыренск, опустошены окрестности и посад Нарвы, Яма и Копорья и нанесены поражения еще нескольким шведским отрядам.

Неудачное наступление 1657 г. стоили Магнусу Габриэлю Делагарди должности командующего войсками Лифляндии, Эстляндии и Ингерманландии. 20 декабря 1657 г. по указу Карла X Делагарди сдал командование Густаву Горну⁵⁶. По неудачи шведского графа начались именно с Юрьева-Ливонского, который стал первой «колдобинной» на пути запланированного контрнаступления шведской армии.

Предварительные итоги войны были закреплены в подписанном 21 мая 1658 г. Валиесарском перемирии, по которому все занятые русскими войсками города и крепости отходили к России. Средних был и Юрьев-Ливонский. Однако дальнейшие международ-

ные события, не позволили удержать завоевания. Неудачное развитие войны против Речи Посполитой заставило русское правительство в ходе переговоров пойти на беспрецедентные уступки шведам, добровольно оставив все завоеванные и удержанные в ходе двухлетней войны территории⁵⁷.

¹ Gründliche und warhafftige relation von der Belagerung der Konigl. Stadt Riga in Liefland. Gebrucht zu Riga, Schröder, 1657 (нумерация страниц отсутствует); Theatrum Europaeum. Frankfurt-am-Main. MDCLXXXV. Th. VII. S. 967–983. Kelch Ch. Liffandische Historie. Reval, 1695. S. 579; Pufendorf Samuel von. De Rebus a Carolo Gustavo Sueciae Rege gestis commentariorum libri 7, Norimbergae, apud C. Riegelium, MDCXCVI. Fol. § 50–53; Gadebusch F.K. Lieflandische Jahrbucher. Riga, 1780. Bd. III; Beinemann Fr. (Jr.). Briefe und Aktenstücke zur Geschichte der Verteidigung und Kapitulation Dorpats 1656 // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. № 16. 1896. S. 515–606.

² В своей работе «Захват Тарту русскими в 1656 г.» эстонский исследователь Е. Тендер отмечал, что «общее количество защитников составляло 800 человек» (Teuder E. Tartu vallutamise venelaste poolt 1656. a. // Äratrükki Tartu linna väljaandest «Tartu VI». Tartu, 1939. Lk. 8). Как утверждает Р. Фагерлунд, город Тарту защищало всего 520 солдат, 100 из которых были кавалеристами (Fagerlund R. Kriget i Östersjöprovinserna 1655–1661: operationer och krigsansträngningar på en bikrigsskådeplats under Carl X Gustafs krig. Åbo, 1979. S. 87). Исследования М. Лайдре дают несколько иную цифру: ядро гарнизона под командованием Ларса Флеминга состояло из пехотного полка полковника Каспара Коскуля (448 солдат в 5 ротах), 45 артиллеристов и около 100 регулярных кавалеристов (См.: Лайдре М. 1) Количество и состав шведской пехоты в Лифляндии в 1655–1661 годах // Скандинавский сборник. Т. XXX. Таллин, 1986. С. 30; 2) Шведская кавалерия и артиллерия в Лифляндии в 1655–1661 гг. // Скандинавский сборник. Т. XXXI. Таллин, 1988. С. 64–77).

³ Beinemann Fr. (Jr.). Briefe und Aktenstücke zur Geschichte... № 19. S. 556–557.

⁴ Ibid. № 5. S. 532.

⁵ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 745. Л. 100.

⁶ GWR. [S. 40]; Theatrum Europaeum. Frankfurt-am-Main. MDCLXXXV. Th. VII. S. 981–982.

⁷ Kelch Ch. Liffandische Historie. Reval, 1695. S. 579.

⁸ Carlson M. Ryska Kriget 1656–58. Stockholm, 1903. S. 51; Frost R. The Northern Wars: War, State, and Society in Northeastern Europe, 1558–1721. London, 2000. P. 177.

⁹ Данные по армии А.Н. Трубецкого (РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки, № 13) были обнаружены и введены в научный оборот О.А. Курбатовым. (Курбатов О.А. Русская армия в период 1656–1661 гг.: Войска «полковой службы» Новгородского разряда в 1656–1658 гг. (по материалам РГАДА): Дипломная работа Москва, 1998). Пользуясь случаем выражаем ему особую признательность за возможность использовать эти данные в нашей работе.

- ¹⁰ В полк боярина и воеводы кн. А.Н. Трубецкого были включены (обозначены знаком «1») также столыпики (1 чел.), стряпчие (2 чел.), жильцы (12 чел.), «в том же полку велено быть на перемене из государева полку» двум стряпчим - И.В. Беклемишев вместо П. Колычева, А.С. Латынин вместо Б. Лаврова (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 287. Л. 272. См. след. примеч.).
- ¹¹ По списку стряпчих 12 чел., но рядом с именем «Борис Семенов сын Лавров», которое в тексте зачеркнуто, стоит помета «велено быть в государевом полку». РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 287. Л. 257.
- ¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 745. Л. 45-47.
- ¹³ Там же. Л. 58.
- ¹⁴ Там же. Л. 100.
- ¹⁵ Дворцовые разряды. Дополнения к 3-му тому. СПб., 1854. С. 64.
- ¹⁶ До наступления русской армии гарнизон Нейгаузена насчитывал всего 60 чел. под командованием коменданта Адеркаса (Carlou M. Ryska Kriget 1656-1658. Stockholm, 1903. S. 50).
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 745. Л. 182-183.
- ¹⁸ В русских источниках основной тактической единицей шведской армии является «знамя» или «хорунга».
- ¹⁹ Weinmann Fr. (Jr.). Briefe und Aktenstücke zur Geschichte... № 21.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 745. Л. 183.
- ²¹ В GWR [S. 3] говорится, что отряд Штрайфа убил 400 рейтар и 80 драгун, а также захватил 7 птаандартов. В Tiesatium Еигораеии опечатка: «400 рейтар и 800 драгун» (TE. Th. VII. S. 967-968).
- ²² Weinmann Fr. (Jr.). Briefe und Aktenstücke zur Geschichte... № 23.
- ²³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Ст. 122. Л. 187.
- ²⁴ Там же. Оп. 5. Смотренные списки. № 13. Л. 353-356, 368-369 об., 385-385 об., 396 об.-397.
- ²⁵ Carlou M. Ryska Kriget 1656-1658. S. 51.
- ²⁶ Крепость «Кастер» - бывший немецкий замок Вербек (русское название - Костер, эстонское Кастри), расположенный близ устья Омовжи. Владение Кастером давало контроль над водным путем к Юрьеву через Чудское озеро и Омовжу.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Смотренные списки. № 13. Л. 356-260 об., 369 об., 373 об., 386-389 об., 396 об.-397.
- ²⁸ Дворцовые разряды. Дополнения к 3-му тому. Ст. 74.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Ст. 122. Л. 110-113.
- ³⁰ Там же. Л. 114.
- ³¹ Временник Общества истории и древностей Российских. М., 1854. Кн. 18. С. 25-26; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 745. Л. 241-242.
- ³² Там же. Л. 263.
- ³³ Голова Богдан Иванов сын Бибииков умер от ран, ранены также голова Захарей Михайлов сын Бухвостов и еотник Федор Степанов сын Митков.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Ст. 122. Л. 190.
- ³⁵ Там же. Оп. 5. Смотренные списки. № 13. Л. 344.
- ³⁶ Там же. (Разрядный приказ). Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Ст. 122. Л. 137-139.
- ³⁷ По описи Пскова 1696 г. она означена как пушка «верховая огненная по

- прозванию «Ягуп» в стану и на колесах, мерою полтара аршина без вершка, лита в 95-м году» (РГАДА. Ф. 210. Книги Новгородского стола. Кн. 66. Л. 111; Кн. 70. Л. 85-85 об.). Ныне это орудие хранится в ВИМАИВиВС.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Ст. 122. Л. 115-116.
- ³⁹ Там же. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 745. Л. 216.
- ⁴⁰ Там же. Л. 242-244.
- ⁴¹ Carlou M. Ryska Kriget 1656-58. Stockholm, 1903. S. 73.
- ⁴² Weinmann Fr. (Jr.). Briefe und Aktenstücke zur Geschichte... № 26. S. 586-587. 27 октября Л. Флеминг написал письмо Делагарди, в котором обосновывал свое решение о капитуляции (Ibid. S. 592-594. № 28).
- ⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ст. 745. Л. 263.
- ⁴⁴ Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подг. текста и вст. ст. К.В. Петрова. СПб., 2001. С. 388.
- ⁴⁵ Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 г. СПб., 2008. С. 72, 73, 76.
- ⁴⁶ (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 7945. Л. 2. Выражаем признательность С.П. Орленко за указание на данный документ).
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Ст. 165. Л. 14-16.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 6. Книги Московского стола. Кн. 57. Л. 57.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Ст. 165. Л. 84.
- ⁵⁰ Там же. Л. 69-70.
- ⁵¹ Там же. Л. 71-72.
- ⁵² Там же. Л. 72-76.
- ⁵³ Там же. Л. 77.
- ⁵⁴ По описке из Пскова Ивана Хованского 4 сентября 1657 г. послано из Пскова в Юрьев Ливонский хлебных запасов: «450 чети с полуосминою и с четвериком муки ржаной, 100 чети круп, 100 чети толокна, 200 пуд соли». Там же. Л. 117.
- ⁵⁵ Гдовский бой описан в статье О.А. Курбатова (Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656-1658 гг. проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 150-166), а события после гдовского боя коротко освещены в статье С.С. Гадзяцкого (Гадзяцкий С.С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 14-57).
- ⁵⁶ Гадзяцкий С.С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества. С. 50.
- ⁵⁷ См. подробнее: Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655-1661). М., 2010.